

БЕСПЕЧАЛЬНОЕ ЖИТЬЕ.

А. Михайлов. Роман.

СПб. 1878

В разделе М. Е. Салтыкова-Щедрина статья находится здесь:
http://az.lib.ru/s/saltykow_m_e/text_0520.shtml.

Во всех литературах существует известный разряд писателей, по преимуществу беллетристов, которых, по всей справедливости, можно назвать "беспечальными" писателями. В наше время, когда все мы, в большей или меньшей степени, "и жить торопимся, и чувствовать спешим", конечно, было бы несправедливо обращаться к литературе с советами вроде тех, какие преподавались писателям каким-нибудь Горацием или, например, нашим Гоголем. Разнообразные "злобы дня" совершенно захватывают современного писателя в свой водоворот, и тут уж, конечно, не до того, чтобы отделять свои произведения, "вынашивать" их, внимательно вдумываться в смысл изображаемых явлений и проделывать вообще весь тот сложный умственный и нравственный процесс, который называется творчеством. Но -- *passer nous le mot* [извините за выражение] -- до литературного онанизма доходить все-таки не полагается, как бы, в известном смысле, ни была естественна и даже законна некоторая, так сказать, ремесленность в деле журналистики. Если -- в силу ли духовной импотенции самого писателя или в силу внешних условий жизни, говорить не о чем и сказать нечего -- гораздо приличнее и достойнее молчать, нежели искусственно выдумывать себе темы или шуметь по-репетиловски о выеденном яйце. Не то беда, что писателю зачастую приходится, подчиняясь условиям журнальной деятельности, высказываться далеко не с такою силою и обстоятельностью, как он это мог бы и хотел бы сделать; худо, если он говорит не по внутренней потребности, не от наболевшего сердца, а просто *сочинительствует*, причем для дела уже совершенно все равно -- врет ли он небылицы в лицах для услады консьержей и гризеток, как какой-нибудь французик-романист, или же, понюхавши хрену, чтобы прослезиться, беспечно печалуется о явлениях, до которых ему столько же дела, сколько до прошлогоднего снега. И в том, и в другом случае он -- отнюдь не писатель, а просто ремесленник, с изделиями которого критике делать нечего, так как ее критерий -- не аршин и не безмен.

Скажем без обиняков -- все это мы говорили прямо по адресу г. Михайлова... В океане бесцветных и бездарных романов и повестей, доморощенных и заграничных, затопляющем нас, романы г. Михайлова довольно выгодно выделяются своею постоянно очень сносною литературною обработкою, своею ловко скомпонованною фабулою, своею, наконец, благообразно-либеральною наружностью, но, к сожалению, только этим одним и выделяются.

Г-ну Михайлову, как бытописателю, очевидно, давно уже нечего сказать, и он довольствуется теперь тем, что повторяет и себя и других. Обладая очень незначительным запасом фактов и наблюдений, он высказался весь в своих первых романах ("Гнилые болота" и "Жизнь Шупова") и в нескольких мелких своих повестях, а затем все его дальнейшие произведения представляют собою образец резонерского морализирования, непомерно скучного при всем своем комизме. Все бы это еще -- с полгоря: не всем же быть новаторами, в самом деле. Но плохо то, что сквозь видимые миру слезы г. Михайлова внимательному читателю постоянно чудится незримый миру смех -- не то лукавый смех в бороду авгура, знающего, где раки зимуют, не то скучающая улыбка человека, проделывающего какую-нибудь нелепую, но требуемую официальным этикетом церемонию. Мы не обвиняем автора в неискренности, у нас нет достаточных данных для этого. Но не на основании только одного непосредственного впечатления (хотя в деле эстетических и нравственных мотивов такое основание отнюдь не несерьезно), а на основании мелкости и рутинности тенденций г. Михайлова, мелкости, которую вовсе нетрудно доказать, мы вправе сделать или то заключение, что г. Михайлов решительно не умеет отличать крупные явления от мелочных, важное от не важного, а допустить это трудно, потому что г. Михайлов, бесспорно -- человек неглупый; или же мы вправе подумать, что г. Михайлову дорога не тенденция, а тенденциозничанье, не идея, а парадированье с кокардой, не влияние на читателя, а возможно сильнейшее впечатление на него. Оттого-то у него и глаза на мокром месте; оттого-то он и способен проливать потоки слез там, где